

Мелочи жизни

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Самые первые воспоминания (мне года три). Люся переводит гуськом нас через улицу военного городка: она впереди, ее держит за подол платица Юля, за ней Вика, я последняя, вцепилась в ее одежду. Движение останавливается, все прохожие улыбаются.

И еще. Мы в Уссурийском Крае. Мама гуляет со мною в лесу на окраине военного городка. Вдруг я вижу большое дерево, на нем фанера с надписью, читать я еще не умею. Спрашиваю, что написано, мама читает: Осторожно! Тигры! Я поражена, зачем их бояться, они такие хорошие.

Мама рассказывает страшную историю: недавно в этом лесу тигр задрал солдата, гулявшего там. Теперь далеко в лес запрещено ходить в одиночку, только группой с оружием.

Сколько же было тогда тигров, если они летом забегали на окраины городка!

СИБИРЬ

В 1942г. семьи военнослужащих были переселены в Сибирь – боялись нападения Японии на Востоке страны. Было страшные холода, Я с бабушкой Машей иду на базар за молоком. Поражена – молоко на морозе мгновенно застывает и принимает форму тарелки. Бабушка пробует кусочки молока, определяя его жирность.

Покупаем две тарелки молока, кладем в чистый мешочек, принесенный с собой, и отправляемся домой.

ДОРОГА ИЗ СИБИРИ В САРАТОВ

Отца посылали на фронт, а нас отправляли в Саратов (бабушка к этому времени умерла). Ехали две недели, отец провожал нас до Челябинска. Поражали меня многочисленные тоннели, когда въезжали в них, в вагонах гас свет. Было страшно.

Однажды мама поднесла меня к окну вагона и сказала: запомни на всю жизнь это. Поезд выскочил из очередного тоннеля и я увидела ослепительное голубовато- синее море. Это был Байкал. Я запомнила. Было мне 5 лет.

В Челябинске отец прощался с нами на вокзале. Отчетливо запомнила: посреди вокзала, забитого людьми, лежит одеяло, на нем куча узлов и чемоданов, и мы вчетвером, мама плачет. Отец раздает нам по кусочку пиленого сахара, целует нас и уходит. Его, к счастью, мы увидели через два года живым – вернется с фронта.

Стыдно сказать, но этот эпизод я запомнила из-за кусочка сахара, я впервые ела такое лакомство, мы жили тогда бедно.

До и после Свердловска поражало всех – вдоль путей на многие километры лежали немецкие громадные подбитые танки со свастиками. Взрослые говорили, что их свозили с полей сражений, чтобы переплавить на металл. Каждая новая группа танков вызывала восторг. В 1944г. это говорило о близком конце войны...

День Победы. Мне 6 лет. Сестры в школе. Отец на фронте, жив. Мама со мной идет на стихийный праздник на Площадь Революции. На улицах праздник: все смеются, поют, танцуют. Много инвалидов.

Вдруг около колонки (водопровода на этой улице Саратова еще не было) вижу женщину, она наливает воду в ведро и горько рыдает. Я останавливаюсь, потрясенная этим, спрашиваю маму, почему она плачет, ведь у всех праздник! Наверное, у ней кто-то погиб в войну – равнодушно говорит мама. Мы идем дальше, на площади тысячи людей, никого из начальства, много военных. Их под восторженные крики подбрасывают в воздух. Все танцуют, поют.

Все остальное стерлось из памяти, но эта рыдающая женщина в день Победы

Осень 1945г. Мама в поезде везет меня «подкормиться» в деревню Пограничку. Мама спит.

А я сижу и слушаю разговор трех сидящих рядом деревенских курящих мужиков, обсуждающих события в Японии. А я, как всегда, только что перед отъездом слушала сообщение по радио об этом. Мужики путаются в событиях, неверно пересказывая их. Я, привыкшая все знать и высказывать свои мысли сестрам, влезаю в разговор мужиков, бодро пересказываю все, что слышала по радио. Мужики немеют от моей наглости, и один из них даже замахивается на меня, но другой вдруг говорит: а ведь девчонка правильно сказала, так по радио говорили.

Я, торжествуя, отползаю по скамье к маме, которая проснулась и встревожена моим поведением, пытаюсь пересказать все, мама щелкает меня по затылку, все затихают.

Так я стала политинформатором.

У Волги около нас пленные немцы прокладывали в земле трубы. Рядом бегали какие-то мальчишки, кричали в их адрес всякие гадости, кидали в них куски земли, потом они убежали. Непонятно почему, я подошла к одному немцу и тихо сказала, желая отомстить за все свои беды: Гитлеру капут. Немец поднял на меня глаза, и я увидела пожилого измученного человека, он тихо сказал: капут. Тут я почувствовала такой стыд, увидев, какой он несчастный, худой, и бросилась прочь. Никогда в жизни я не чувствовала такой стыд за свой поступок. Это был самый «позорный» поступок моей жизни.

1946г. Первый класс. Все дети одеты бедно, мне повезло - я в матроске (три сестры поочередно носили ее). Моя первая учительница Мария Антоновна, добрая, худая, как и все ученики, читает нам басню Крылова « Мартышка и очки». Возникает вопрос, что такое «полдюжины очков», которые были у мартышки. Поднимаются две руки, учительница вызывает не меня (я всегда все знала и лезла вперед), девочка отвечает – дюжина- это такой красивый маленький цветочек. Потом наступает мой триумф... Родители, будучи преподавателями, невольно развивали нас, да и сестры зло высмеивали все мои ошибки, я быстро все схватывала.

Мы все атеисты, бабушке запретили говорить с нами о боге. Но развлечений было мало, в кино не ходили из отсутствия денег. Около нас стояла прекрасная Церковь, ее в свое время разорил Пугачев. Мы бегали на службы как на представления. Одеты мы были в страшную рвань (как все), на головах были ободранные шапки- ушанки. И первое, что делали стоящие рядом бабы, шипели на нас, срывали с нас шапки, принимая нас за мальчишек. Тут выяснилось, что мы девчонки, а им с открытой головой в храме тоже быть нельзя. Шарфов по бедности не было, гнать на улицу нас неловко. Мирились хоть с каким-то головным убором. Но входящие в храм новые женщины опять норовили содрать с нас шапки... Около нас все время стоял какой- гвалт. Наконец-то подходила церковная служка, нас просто выгоняли из храма.

Одно воспоминание осталось от начальной школы – чувство голода, головокружение, семья - четверо дочерей и мама – жили на офицерский паек отца и его трофейные посылки, которые изредка разрешали высылать с фронта . Нам хватало на картошку и хлеб. Самое вкусное лакомство: мука, растворенная в кипятке, посыпанная сахаром, называлась «тюря» .

Существовал какой-то комитет, который подкармливал семьи фронтовиков. Помню, нам выдали несколько цветных коробок американской тушенки.

Однажды я прихожу зареванная из школы, рассказываю, что сегодня раздавали талоны на бесплатные детские американские зимние ботинки только тем, у кого отца убили. И мне не дали, так как отец жив. А у меня нет зимней обуви.

Расширевшая мама щелкает меня по затылку.

После возвращения отца с фронта в 1946г. нас в 15 метровой комнате тети Тони (маминой сестры), стало уже семеро.

САРАТОВ, КОММУНАРНАЯ 44

Самая страшная часть моей жизни – я была «побирушкой» на Верхнем базаре, я ходила и около торговки овощами и собирала отбросы их товара – гнилую картошку, листья капусты, огрызки яблок (я их мыла и доедала) и пр. Делала это я не по собственной воле, меня посылала мама, уходя в школу на работу – надо варить щи, а овощей нет. Старшие сестры отказывались это делать, а я боялась родителей.

Было стыдно в 10 летнем возрасте на базаре вместе с беспризорниками собирать овощные отбросы. Помню торговку капусты, около которой валялись два свежих листа капусты. Я вежливо спросила ее, можно мне их взять? Она посмотрела на меня с такой жалостью, а потом залезла под прилавок и достала оттуда целую кучу свежих листьев. Я набила ими сумку, сказала «спасибо» и радостная побежала домой готовить щи.

С 8 лет стала вести дневник своей жизни. Надо мной потешались в семье, даже рвали мои листочки (потом это были уже тетрадки), но я упорно продолжала описывать все события семьи. Потом перестали обращать внимание на это. Никого не интересовался, что я там пишу.

Но однажды все сестры задумались, каково наше будущее?

Люся уже кончила школу с золотой медалью, училась на физфаке СГУ. Поэтому было решено, что она станет гениальным физиком и прославит наш род.

Юля была самой доброй у нас, поэтому она выйдет замуж, нарожает много детей, которые тоже прославят наш род.

Вика, самая красивая из нас, будет блистать в свете, чем и прославит нас всех.

Я, не блистающая умом, красотой, стану летописцем семьи, оставлю на века описание нашего рода.

И что же в результате?

Гагарин в космосе! Я узнала об этом между лекциями в СГУ. Вечером того же дня ко мне прибегает дворовая подружка Лида (студентка геофака) и рассказывает потрясающую историю. Ее группа в этот день была на практике в степях Заволжья, утром они видели какой-то объект в небе недалеко от них. Они решили в обеденный перерыв своих занятий сбегать туда и посмотреть, что это было. Каково же было их потрясение,

когда они увидели космический аппарат, лежащий на боку, рядом никого не было. Это был небольшой период времени, когда Гагарина вывезла из степи в Саратов группа встречающих и забыла в ажиотаже оставить охрану аппарата. Студенты в восторге заглядывали во внутрь, не рискуя что-либо трогать там.

Их больше привлекла частично обгоревшая при посадке обшивка аппарата. Все бросились отрывать кусочки многослойного покрытия аппарата на память. И вот такой кусочек Лида подарила мне.

Я была в восторге, демонстрируя всем дома этот кусочек, побывавший в космосе.

Все кончилось обычно. На следующий день в университет прибыли люди из «органов», всем студентам, бывшими на практике в степи, было приказано сдать кусочки обшивки, всех здорово запугали. Но других последствий не было. Подруга меня не выдала, а кусочек обшивки первого космического корабля у меня затерялся...